

7. Психологическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://vslozare.ru/slovo/psihologiceskaja-jentziklopedija/poli>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе // Т. Н. Суконкина // Регионология [Саранск]. – 2010. – № 2. – С. 265–274.
9. Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / С. М. Федюнина. – Саратов, 2007. – 38 с.
10. Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Bol'shoj psihologiceskij slovar'. Moscow, OLMA-PRESS, 2004. Available at: <http://vocabulary.ru/dictionary/30/symbol/204/page/7>.
2. Bol'shoj jenciklopediceskij slovar'. Available at: <http://www.vedu.ru/bigencdic/>.
3. Vikipedija. Available at: <https://ru.wikipedia.org>.
4. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. Moscow, Russkij jazyk, 2000. Available at: <http://www.efremova.info/>.
5. Kravchenko A. I. Kul'turologija: Slovar'. Moscow, Akademicheskij proekt, 2000. 671 p.
6. Novolodskaja S. L. Definicija ponjatij «polikul'turnyj» i «mul'tikul'turnyj» // Vektor nauki TGU. 2012. № 1 (8). pp. 234–237.
7. Psihologiceskaja jenciklopedija. Available at: <http://vslozare.ru/slovo/psihologiceskaja-jentziklopedija/poli>.
8. Sukonkina T. N. Formirovanie mul'tikul'turnogo obshhestva v regione // Regionologija [Saranck]. 2010. № 2. pp. 265–274.
9. Fedjunina S. M. Konceptual'nye osnovanija i uslovija mul'tikul'turalizma v sovremennom rossijskom obshhestve. Saratov, 2007. 38 p.
10. Jenciklopediceskij Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 tomah s illjustracijami i dopolnitel'nymi materialami. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИМВОЛЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

Каргина Светлана Алексеевна, магистрант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: sietlanak@mail.ru.

Аглева Зухра Равильевна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: z.agleeva@yandex.ru.

Авторами статьи рассматриваются проблемы межкультурного и межконфессионального взаимодействия в полиэтническом регионе на материале Астраханской области. Отмечается близость традиционных религий в понимании милосердия.

Ключевые слова: символ, лингвокультурный, смысл, поликультурный регион, взаимодействие культур

RELIGIOUS SYMBOLS IN POLYCULTURAL REGION

Kargina Svetlana A., *magister, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: sietlanak@mail.ru.*

Agleeva Zukhra R., *Doctor of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: z.agleeva@yandex.ru.*

The authors of article study the problems of intercultural and interconfessional cooperation in polycultural region. They choose Astrakhanskaya oblast as example of such region. One can notice the proximity between term "mercy" in traditional faiths.

Keywords: symbol, languagecultural, meaning, polycultural region, cooperation of cultures

Обращение к теме объясняется тем, что в последние десятилетия многие моноэтнические регионы стали полиэтническими и, более того, поликонфессиональными. Люди, ранее рассуждавшие об интернационализме и толерантности в межнациональных отношениях лишь теоретически, на расстоянии, столкнулись с проблемами, которые очень сложно разрешить, не имея опыта таких отношений. Теоретические рассуждения, оторванные от практики, не всегда могут помочь наладить взаимоотношения между представителями разных лингвокультур, избежать культурного шока и конфликтов. Опыт поликультурных регионов, таких как Астраханская область, важен сейчас как никогда ранее и в политическом, и в культурном плане.

Еще со времен Хазарского каганата на земле Прикаспийского региона мирно сосуществовали различные этносы. Взаимная толерантность была необходима прежде всего потому, что через эти территории проходили наиболее известные торговые пути: купцы выгодно торговали, отдыхали в Итиле, тратили свои деньги и имели возможность свободно молиться своим богам. Этнические потоки в регионе часто и кардинально менялись. В течение двух веков основным населением были тюркоязычные язычники половцы, завоеванные в первой половине XIII века монголо-татарами. Основанное здесь Астраханское ханство было присоединено, как и Казанское и Крымское ханства, в правление Ивана Грозного к Русскому государству (1558 год). Но каждый народ оставлял после себя памятники, образцы своей культуры, позволяющие даже через многие столетия объективно восстановить историю края. Выгодное географическое положение, жаркий климат, богатые биоресурсы привлекали сюда людей из самых разных уголков России, свою роль сыграла и государственная политика переселения, разработанная в восемнадцатом веке, в результате которой Астрахань стала достаточно крупным торговым, а позднее и промышленным центром. Анализ языковой ситуации, исследования особенностей русского (Э.В. Копылова и др.) и татарского (Л.Ш. Арсланов) языков разных районов даже одной Астраханской области позволяет сделать вывод о том, что сюда были переселены в восемнадцатом веке целыми селами представители разных национальностей, сохранившие до сих пор часть самобытных культурных традиций и то специфическое, что отличало их диалект. Этими факторами объясняется полиэтничный состав края (на сегодняшний день это около ста восьмидесяти национальностей и этнических групп, среди которых русские, татары, казахи, калмыки, ногайцы, азербайджанцы, армяне, евреи, украинцы, грузины, представители народов Северного Кавказа, поволжские немцы и др. народы). В силу ряда причин происходило взаимопроникновение многообразных культур, оказывающее немалое влияние на ее социальную и политическую жизнь региона. Смешение происходило и на генетическом уровне, представители разных этносов

создавали семьи, рожали детей, которые впитывали в себя различные культуры и считали их своими. Межнациональные браки частотны и сейчас. Вопросы сохранения самобытности языка и культуры того или иного народа в таких семьях решаются по-разному. Всё чаще побеждает прагматический подход: родители отказываются обучать детей «непрестижному» родному языку в связи с его невостребованностью в обществе, отсутствием перспективы обучения на нем. Общение в таких семьях в последнее время происходит на русском языке, а результаты переписи населения 2010 года показывают, что дети позиционируют себя русскими, нередко независимо от национальности родителей. Может быть, в какой-то степени это стало результатом отмены пункта национальность в анкетах и паспортах: многие ставят знак равенства между понятиями русский и россиянин. Это вполне объяснимо в эпоху глобализации, но исчезновение каждого национального языка – это и исчезновение со временем самобытной культуры. Со временем может произойти так, что вслед за языками малых народов два-три языка, изучение которых становится престижным, поглотят и великие на сегодняшний день языки и культуры. Поэтому необходимо создавать условия для сохранения и развития языков нашей страны. Всегда было принято, что каждый этнос видит свой неповторимый вариант бытия и передает его от поколения к поколению. Одной из основных смыслообразующих категорий языковой этнокультурной направленности является символ, который, как пишет А.Ф. Лосев, «..есть ее (действительности) отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности» [9, с. 65].

Наиболее существенные для этноса или конфессии символы могут расширять смысловое пространство под влиянием различных когнитивно-дискурсивных процессов. Расширение смысла происходит не только на денотативном уровне, но часто и на коннотативном. Самые значительные для лингвокультуры символы могут подняться до уровня концепта-символа, который, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «генерирует в лексическом значении различные этнокультурные коннотации (актуально и потенциально воспроизводимые в языковом сознании коннотативные семы)» [1, с. 133]. По мнению А.Ф. Лосева, в символе кодируется нередко большая социокультурная информация [9], следовательно, можно говорить об амбивалентном характере символа: это и сгусток важного для большого количества людей смысла, и средство трансляции этого смысла. О двоякой функции символа говорил и Ю.М. Лотман (символ – некое содержание, служащее планом выражения для иного, часто культурно более ценного содержания). В.А. Маслова отмечает «важнейшее свойство символов – их имманентная (внутренне присущая им) многозначность и расплывчатость границ. Один и тот же символ может иметь несколько смыслов». Последнее высказывание необходимо учитывать в полиэтническом регионе, где незнание национально-специфических особенностей символов может привести как минимум к непониманию или стать барьером в межкультурном общении.

«Важным компонентом национальной культуры являются аспекты поведения ее носителей – ритуалы, этикет, реакции на различные ситуации (социальные роли ...)» [10, с. 165]. К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, относят традиции как устойчивые элементы культуры, а также обычаи и обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к доминирующим в данном обществе нормам и ценностям; быт; повседневное поведение (привычки), мимический и пантомимический коды, используемые некоторой лингвокультурной общностью; искусство [11, с. 12].

На сегодняшний день практически невозможно найти ни одной национальной общности, не испытавшей на себе воздействия культур других народов нашего края. Н.Ф. Алефиренко пишет, что диалог различных культурных сознаний протекает по разным функционально ориентированным каналам, среди которых он выделяет аспект интерпретации реалий и их смысловой ценности в пространстве одной культуры интерпретационными средствами другой культуры [1, с. 151-152]. Влияние языков и культур совместно проживающих народов, заимствования из их речи прослеживаются в терминологии жилища, одежды, продуктов питания и блюд, времени года, символах. «Основанием, над которым надстраивается символ, которому сопутствуют «высокие смыслы» экстралингвистического характера, является образ, соотносимый с объектом любой природы» [7, с.157]. Следует заметить, что наиболее постоянными, мало претерпевающими какие-либо изменения, являются конфессиональные символы. Нередко недооценивают их роль в социуме, в то время как отмечается повышение интереса к религии у самых разных возрастных групп и конфессий. Во все времена символы религий отображали абстрактное понятие Бога. Главная задача многочисленных символов всех мировых религий – видимое изображение Высших Сил при помощи аллегории. Символы религий помогают осознать и глубже понять свою веру, они соединяют осмысленное восприятие веры с эмоциональным, выражают моральные ценности. Так как Астраханский край является не только многонациональным регионом, но и поликонфессиональным, то смешение религиозных символов является одной из особенностей этнического симбиоза, который усложняет этносистему региона и тем самым укрепляет ее.

В эмоциональном аспекте каждая религия – форма определенного мироощущения. Ведь кроме ума и тела есть чувство, то самое, которое создает положительную или отрицательную комплиментарность [5, с. 517]. Не будет преувеличением сказать, что милосердие – это сердцевина любого религиозного мироощущения. В каждой традиционной религии присутствуют символы милосердия, которое является краеугольным камнем верования.

Христианское понимание милосердия основано на том, что мир органичен и целостен и взаимосвязан во всех своих проявлениях, неразрывно соединен со своим Творцом через животворящее действие Его благодатных энергий. Без милосердия, без любви, проявляющейся во всех наших делах, не может быть христианства. Милосердие ко всему существу, включая животных и насекомых, цветы и деревья, леса, степи и реки есть для христианина лишь выражение благоговейного и разумного отношения к своему естеству, расширенному до крайних пределов Вселенной. «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» [6, 6, 36], – призывает Евангелие. Одно из наиболее ёмких определений этой духовной цельности дал св. Иустин Философ: «мы научены и убеждены и веруем, что Богу приятны только те, которые подражают Ему в Его совершенствах – в целомудрии, правде и человеколюбии и во всём, что достойно Бога... Если же найдутся такие, которые не так живут, как учил Христос, те – да будет известно – не христиане, хотя и произносят языком учение Христово: ибо Он учил, что не те спасутся, которые говорят, но те, которые и дела делают» [Апология, 10; 16].

Второй по количеству сторонников религией в регионе является ислам. Будучи по сравнению с буддизмом и христианством более молодой мировой религией, ислам впитал в себя определенные духовные ценности и религиозно-этические правила, существовавшие ранее в повседневной жизни. Большое внимание в Коране уделяется проблеме добра и человеколюбия. Доброе деяние возводится в ранг наивысшей человеческой ценности. Во 2-й суре (главе) Корана как важнейший завет приводятся слова: «Не твори зла на земле» [8, 2: 57]. В священной книге мусульман людей призывают «творить добро и благое». В Коране прямо сказано: «Аллах любит добродетельных» [8, 2:

195]. Милосердие является важнейшим проявлением добродетели и человеколюбия. Помощь бедным, невольным, сиротам, путникам рассматривается в Коране как важнейшее милосердное деяние и неотъемлемый элемент благочестия. «Благочестие, кто уверовал в Аллаха, давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и просящим, и на рабов...» [8, 2: 172]. Интересно то, что, помимо добровольной помощи нуждающимся, проявления милосердия к страждущим, каждый мусульманин обязан помогать бедным (не только подавать милостыню, накормить голодного, но и делиться одеждой и т.д.).

Буддистские социально-этические нормы во многом перекликаются с библейскими заповедями. В буддистских трактатах освещаются идеи человеколюбия, милосердия, благотворительности, добра. Важнейшими добродетелями тела признаются нравственная чистота и милосердное отношение к бедным, нищим, страждущим, а добродетелями речи – правдивость и вежливость, умение с помощью нужных слов убедить, остановить вражду, помирить людей и народы. В древних буддистских трактатах содержится и понятие благотворительности: благотворитель должен не просто предоставлять нуждающимся конкретные дары, но и сострадать. В «Алмазной сутре» отмечается: «Осуществляя благотворительность, он должен одаривать не только реальными дарами, но и самоотреченными дарами благожелательности и сострадания» [3, с. 49].

Наряду с мировыми, или наднациональными, религиями идеи милосердия, сострадания свойственны и другим религиозным воззрениям. Иудаизм представляет милосердие как священную обязанность каждого верующего. Такой подход во многом соответствует системе этических взглядов, сути понимания человеколюбия и милосердия, различных этносов. Милосердие и благотворительность во всех мировых религиях рассматриваются как умение сочувствовать другому человеку, сострадать ему. Основываясь на данных догматах христианство, ислам и буддизм мирно сосуществуют на землях Прикаспия уже много веков. Конфессиональные мироощущения тесно переплетаются с социальными ролями жителей Астраханского региона. И это «в какой-то мере тяжелый моральный груз, ибо, находясь в социуме, человек отвечает не только за себя и свое еще не родившееся потомство, но и за свой коллектив, своих друзей, соплеменников, наследие предков, благополучие потомков и, наконец, за идеи, формирующие его культуру и даже идеалы...» [5, с. 563].

Милосердие и благотворительность, декларируемые всеми наднациональными религиями, возводит эти понятия для верующих в ранг концептосимволов. Н.Ф. Алефиренко замечает, что «содержание понятия «символ» пока не имеет достаточно четкого очертания» [2, с. 236], приводя примеры отождествления понятий символ, знак, образ. Интересна мысль о связи символа «со смыслами общечеловеческой деятельности, которые, однажды возникнув, достаточно долго сохраняют свою ценность, ибо через них выражаются самые глубинные особенности человеческой природы» [там же]. Символы же задают более или менее определенные границы понимания человеком ценностно-смыслового пространства своего языка, своей культуры.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознание и культура / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – С. 151–152.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010.
3. Алмазная сутра. Из священного писания буддистского // Наука и религия. – 1991. – № 8. – С. 49.

4. Васильева Е. А. История становления полиэтнического состава населения Астраханского края. Русские древности / Е. А. Васильева. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

5. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь / Л. Гумилев. – Москва : Айрис Пресс, 2006.

6. Евангелие от Луки. 6, 36. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/bez-miloserdiya-my-ne-xristiane/#ixzz3Ud6wGf8T>, свободный. – Заглавие с экрана.

7. Золотых Л. Г. Фразеологическая семантика и символ (в когнитивно-дискурсивном аспекте) / Л. Г. Золотых // Слово-сознание-культура. – Москва : Флинта : Наука, 2006.

8. Коран. Сура 2:57, 2:195, 2:172. Режим доступа: <http://umma.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.

9. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1976.

10. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2006.

11. Хохлина М. Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «своего» и «чужого» во фразеологической парадигме : монография / М. Л. Хохлина. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

References

1. Alefirenko N. F. (2002). Poeticheskaja energija slova. Sinergetika jazyka, soznaniye i kultura. Moscow, Academiya, pp. 151-152.

2. Alefirenko N. F. (2010). Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoye prostanstvo yazyka. Moscow, Flinta, Nauka.

3. Almaznaja sutra. Iz svyaschennogo pisanija buddistskogo (1991). Nauka i religija. № 8. P. 49.

4. Vasilyeva E.A. (2011). Istoriya stanovleniya polietnicheskogo sostava naseleniya Astrakhanskogo kraja. Russkiye drevnosti. Astrakhan, Publishing Housr «Astrakhan University».

5. Gumilev L. (2006). Drevniaya Rus i Velikaya step'. Moscow, Airis Press.

6. Evangelie ot Luki. 6, 36. Available at: <http://www.pravmir.ru/bez-miloserdiya-my-ne-xristiane/#ixzz3Ud6wGf8T>.

7. Zolotykh L.G. (2006). Phrazeologicheskaya semantika i simvol (v kognitivno-diskursivnom aspekte). Moscow, Flinta, Nauka.

8. Koran. Sura 2:57, 2:195, 2:172. Available at: <http://umma.ru>.

9. Losev A. F. (1976). Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo. Moscow, Iskusstvo.

10. Maslova V. A. (2007). Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku. Moscow, Flinta, Nauka.

11. Hohlina M. L. (2011). Ontologiya kulturno-kognitivnogo analiza «svoyego» i «chuzhogo» vo phrazeologicheskoi paradigme. Astrakhan, Publishing Housr «Astrakhan University».

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ НЕОЛОГИЗАЦИИ

Касьянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kasyanova@asu.edu.ru.

В статье описываются когнитивно-коммуникативные факторы неологизации, обусловившие активное заимствование концептов, которое происходит в результате знакомства с чужой лингвокультурой и освоения ее наиболее значимых элементов языковым сознанием.

Ключевые слова: неологизация, когнитивно-коммуникативные факторы, концепт, заимствование, новое слово, лингвокультура